

Чехи не одолели Малера

Джон Элиот Гардинер на бетховенском фестивале

11

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ БОНН

Сэр Джон Элиот Гардинер — еще одна топ-фигура в программе боннского бетховенского фестиваля. Сменив Кента Нагано за пультом в «Бетховен-холле», специалист по Монтеверди, Глюку и Генделю представил совершенно нетипичную для себя программу: Дворжак, Богуслав Мартину и Малер.

Появление в концертах музыки Дворжака и Мартину обозначило важную задачу нынешнего фестиваля: вписать музыку Бетховена в моравско-чешский, а в будущем — в общеевропейский контекст. Соответственно, богемский акцент мероприятия чрезвычайно силен, а программы базируются на трех ключевых понятиях: Бетховен, Бонн, Богемия. Три заглавных «Б», слившись в единую литеру, образовали емкую и лаконичную эмблему фестиваля — яростный росчерк бетховенского пера на оранжевом фоне.

Выступление сэра Джона Элиота Гардинера с оркестром чешской филармонии блестяще проиллюстрировало заявленную идею. Чешские музыканты, благоговей перед мэтром, старательно, в меру сил и возможностей играли «свою» музыку: «Симфонические вариации» Антонина Дворжака и Двойной концерт для клавира и ударных Богуслава Мартину. Малер для чехов тоже «свой» — недаром Чехия веками входила в состав Австро-Венгрии. В музыке же самого Малера отчетливо слышны славянско-моравские мотивы. Композиционно программа выглядела весьма выигрышно и логично, представляя различные этапы становления чешской композиторской школы и подверстывая к этому малеровский мегастиль. Другой вопрос — насколько выигрышно и убедительно прозвучали эти опусы в исполнении чешского оркестра.

«Симфонические вариации», сочинение зрелого Дворжака, оказались чрезмерно затянутыми и чересчур дидактическими: композитора будто покинула капризная

муза — вариации вышли тяжеловесными, вымученными и ученически-примитивными. В общем, заслуженно забытое сочинение: не случайно после премьеры в 1877 году его не играли вплоть до 1887-го, а потом не играли вовсе. Гардинер, надо отдать ему должное, постарался осмыслить и оживить опус, расцвetic партитуру темповыми и динамическими перепадами, но затея была заведомо безнадежной. Зато Doppelkonzert Мартину, написанный в 1938 году в Швейцарии, оказался интересным по тематическому материалу, композиции и гармоническим находкам, звучащим и свежо, и актуально. Исполненная мрачных предчувствий и предвидением грядущей катастрофы, по ощущению сгущенного трагизма музыка сродни бетховенскому «Эгмонту». Концерт даже начинается похоже, ритмически точно повторяя знаменитый зачин бетховенской увертюры.

Опус Мартину показал, насколько сильна в Чехии струнная школа. Однако в симфонии Малера красивый и богатый звук был сознательно притушен дирижером и проявлялся лишь спорадически: такова была исполнительская концепция, предложенная Гардинером. Четвертая считается самой классической и самой светлой симфонией Малера. Игры с классицистскими, моцартовско-гайдовскими моделями сообщают ей необыкновенную ясность, подчеркнутую безыскусными мелодиями. Гардинер максимально просветлил и проявил и без того прозрачную фактуру, отчетливо все линии ее обрели необыкновенную отчетливость и чистоту контура. Это была абсолютной гармоничная по всем параметрам интерпретация — по балансу звука, по темповым соотношениям, по композиции. Жаль только, что чешские музыканты далеко не всегда идеально могли донести до публики намерения маэстро. Временами оркестр обнаруживал досадное неумение держать строй; духовики вступали вразнобой и невпопад, а концертмейстер оркестра, солируя, порой сбивался с ритма, а иногда слегка занижал интонацию. В ювелирной работе Гардинера досадные огрехи были особенно заметны. Дирижер знал свое дело и делал его превосходно. И хотя известное утверждение, что «не бывает плохих оркестров, бывают плохие дирижеры», как правило, верно, данный случай его явно опровергал.

Знаменитый аутентист сэр Джон Элиот Гардинер продирижировал в Бонне Четвертой симфонией Малера